

*Аспирант каф. этики и эстетики  
культурологического факультета  
Томского государственного университета  
Д. В. Белобородов  
Томск*

## **ЭТИКА ТОЛЕРАНТНОСТИ В АМЕРИКАНСКОЙ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДВАДЦАТОГО ВЕКА**

Массовая волна межэтнических конфликтов, захлестнувшая страны бывшего Советского Союза и социалистического блока, постоянно напоминает нам о том, что с ликвидацией противостояния либерально-демократического Запада и социалистического Востока единый глобальный конфликт двух могучих цивилизаций распался на широкий спектр малых, локальных конфликтов, где степень применяемого против человека насилия не только не уменьшилась, но и, напротив, возросла. Этот резкий взлет религиозной, национально-этнической и классовой ненависти заставляет нас вновь обратиться к феномену толерантности, выяснять ту роль, которую он играет в этическом поведении современного человека.

В данном случае нас будет интересовать та этика толерантности, что складывалась в разных культурах англо-американского Запада и России, воплощаясь в художественных произведениях крупнейших писателей двадцатого века.

Современные западноевропейские и американские мыслители уже не раз обращали внимание читателя на то, что цивилизационный образ жизни начинает все сильнее подавлять человеческую культуру, уничтожая в человеке личность, которая в обществе коллективного эгоизма становится уже никому не нужна. Человек из мира цивилизации агрессивен, склонен к тому, чтобы постоянно захватывать новые территории, беспрестанно навязывать другим людям и нациям свой оригинальный образ мышления. Этому типу поведения усредненного современного человека художественная литература пытается противопоставить своего героя, который все еще способен сохранить какую-то приверженность ценностям культуры. Человек из мира культуры сдержан, консервативен, экологичен, его поведение ограничивается рамками той

традиции, которую он почитает и к которой принадлежит. Не следует забывать и того, что сама по себе культура рождается из самоограничения, из табу, из попытки человека ограничить стихийный порыв своей воли, своих желаний с тем, чтобы дать возможность свободного самоизъявления другому человеку. По природе своей самоутверждающийся в мире цивилизации человек агрессивен. Культура же, по мысли Лоренса, функционирует для того, чтобы смягчить эту агрессию и, таким образом, оказывается гарантом существования личности.

Именно такая этика самоограничения и лежит в основе литературы традиционализма, связывающей между собой совершенно разные этнические ментальности Запада и Востока. Это литературное направление и становится основным оплотом духовных и культурных ценностей, позволяя сохранить в человеке диалогическое мышление, для реализации которого необходимо умение прислушаться к мнению другого человека, умение быть толерантным, терпимым к его инаковости.

Надо заметить, что в литературе 20-го века проблема толерантности резко обостряется несоизмеримостью духовных потенциалов культурного героя и остальных персонажей, с которыми ему приходится вступать в диалог. Кроме того, нередко некоторые писатели показывают и отрицательные последствия культивации в сознании положительного героя толерантного мышления, которое обрекает его на пассивность вместо активного сопротивления злу, невежеству и бездуховности остального мира.

В этом плане особенно любопытна та ситуация, которую развернул перед сознанием читателя Х. Кортасар в первой части своего знаменитого романа «Игра в классики». Погруженный в свои внутренние переживания, очарованный беспредельностью своей внутренней свободы и открывающейся перед ним инореальности окружающего мира, Оливейра забывает о своем ребенке, который гибнет в тот миг, когда его отец – страдающий, грустный интеллектуал из нового мира – осознает свою обреченность на вечное одиночество, поскольку считает, что он не вправе вмешиваться в естественный ход бытия, не вправе посягать на свободу раскинувшегося вокруг него прекрасного и яростного мира.

Таким образом, Х. Кортасар пытается донести до нас мысль о том, что конформизм и космополитизм, плюралистическое сознание помогают совершенствовать эстетическое мышление человека, но наносят удар по его нравственности, делая личность индифферентным и равнодушным индивидом.

Дальнейшее возвращение Оливейры на родину в Аргентину, его поиски ушедшей от него жены Маги, свидетельствуют о том, что герой пытается преодолеть свое равнодушие с помощью провокаций, стремясь поставить и себя и другого человека в необычную жизненную ситуацию, с тем, чтобы они смогли иначе взглянуть на себя и окружающее их бытие. Толерантное поведение постоянно присутствует в Оливейре, даже тогда, когда он пытается найти общий язык с сумасшедшими людьми из психиатрической клиники. Однако в финале герой сам сходит с ума. Толерантный контакт с безумием оборачивается растворением сознания героя в неведомой инореальности бытия. И это, по мысли писателя, не является свидетельством поражения Оливейры. В социальном плане толерантное мышление губит человека, но иного пути к дальнейшему восхождению по ступеням свободы к вершинам культурно-нравственного совершенства у героя нет.

Несколько иная, но в общих чертах все же схожая ситуация происходит и с главным героем романа Германа Гессе «Степной волк». Здесь молодой немецкий интеллектуал Гарри Галлерт также поначалу испытывает глубокое чувство омерзения по отношению к примитивной и, как казалось ему, бездуховной, социальной среде. Причем его нон-конформистское мышление чуть было не поставило героя на грань самоубийства. Однако затем, после встречи с Пабло и Герминой, Гарри Галлерт начинает постепенно более терпимо реагировать на окружающую жизнь до тех пор, пока вспыхнувшая в его сердце любовь не открывает ему новые горизонты человеческой культуры, пока он не начинает видеть в серой и обыденной действительности инореальное состояние высшей духовной реальности (в чем, кстати, можно усмотреть преобладающее влияние на знаменитого германского писателя не менее знаменитого его соотечественника – философа Г. Гегеля).

Стало быть, и Х. Кортасар и Г. Гессе вместе приходят к осознанию того, что именно толерантное мышление может стать единственно правильным условием сохранения человеческой личности и человеческой культуры в современном дегуманизированном мире.

Сложнее дело обстоит с Л. Селином и А. Камю. Оба писателя показывают абсолютную духовную опустошенность современного обезличенного индивида, равнодушного буквально ко всему. Более того, в наиболее известном романе Л. Селина «Путешествие на край ночи» главный герой ради достижения личной выгоды всегда готов пойти на компромисс со злом. В итоге его изначальный нон-конформизм оборачивается обыкновенным примитивным конформизмом, не выливающимся в толерантное мышление и нравственный поступок.

Тем не менее, сравнивая особенности развития западноевропейской и американской литературы двадцатого века, мы обнаруживаем очень интересный факт. Казалось бы, всеобщая для нашего времени ситуация отмирания человека в человеке, тотальная дегуманизация действительности и подавление культуры цивилизацией должны были создать одинаковое мироощущение в той и другой литературе. Однако все произошло совершенно наоборот. Если западноевропейская литература поддалась объективным тенденциям своего времени и растворила страдающего и деградирующего героя в отмирающей культуре, то в американской литературе та же самая ситуация вместо примирения с хаотичной бездной надвигающейся смерти, напротив, породила крайне жесткий и решительный протест, выразившийся в позиции нравственного стоицизма. Пройдя через творчество почти всех современных американских писателей, он отчетливо и твердо прозвучал в речи нобелевского лауреата У. Фолкнера: « Я отказываюсь принять поражение человека. Человек не только выстоит, но он и восторжествует».

Этот же нон-конформистский стиль мироощущения воплощается и в сознании четырех основных персонажей знаменитого фолкнеровского романа «Шум и ярость», каждый из которых по-своему борется с холодом пустоты окружающего мира, и в подростковой психологии главного героя романа

Селлинджера «Над пропастью во ржи», и в жизненном кредо Мартина Идена. Нон-конформистское мышление также определяет основные идеи и мотивы поведения престарелого Джона Стейнбека, отправившегося вместе со своей собачкой Чарли искать Америку, но так и не отыскавшего тех позитивных черт американского национального характера на необъятных просторах своей страны.

Иначе говоря, культуру США спасла ее национально-этническая ментальность, основанная на позиции персоналистского антропоцентризма. А это говорит о том, что такое выпадение человека из органической связи между ним и миром, связанное с завышенной самооценкой человеком своего места в бытии, порой способно сыграть положительную роль при тех обстоятельствах, когда бывшая гармония органических отношений между природой и обществом начинает рушиться, проваливаясь во мрак грядущих экологических катастроф. Поэтому изначальная отделенность американского человека-индивидуалиста от мира оказывается не каким-то дополнительным фактором, сопутствующим его деградации, а, скорее, наоборот, тем позитивным средством опоры, на которой зиждется его позиция нравственного стоицизма, позиция утверждения каких-то гуманистических принципов в беспринципной антигуманизированной действительности.

Тем не менее, нон-конформистская ментальность современной американской литературы все-таки сохраняет в себе толерантную этику. Особенно легко проследить этот факт перехода от агрессивного неприятия действительности к толерантному поступку в некоторых эпизодах из романа Джона Стейнбека «Путешествие с Чарли в поисках Америки». Обезжывая северные штаты, знаменитый писатель поражается невежеству и тупой обезличенности одной официантки, в характере которой совершенно отсутствуют чисто женские, да и просто человеческие черты: « Передник на официантке и тот был синтетический, из тех, что не стирают, а моют губкою. Сама она была не веселая, но и не грустная. Так, ни то, ни се. Но я не верю, что человек может быть просто пустым местом. Должно же в нем обнаружиться какое-то нутро, хотя бы для того, чтобы шкуре было на чем держаться. Этот пустой взгляд, эта вялая рука, эти алые щечки, присыпанные,

как пончики, пластиковой пудрой, должны были жить каким-нибудь воспоминанием, какой-нибудь мечтой.... Эта девица доконала меня. На душе была такая тоска, такая безнадежность, что, кажется, залез бы под какой-нибудь пластмассовый колпак и помер...»<sup>39</sup>. Как видим, официантка Стейнбеку не нравится, но, тем не менее, он все время стремится увидеть в ней что-то хорошее, что-то человеческое, и это стремление в итоге все же несколько сглаживает его буйную агрессию протеста.

Не менее интересен и другой эпизод из этого романа, когда писатель посреди дикой ночной пустыни сталкивается в думья голодными койотами: «У моей винтовки был дивный оптический прицел с широким полем зрения. Койоты не двинулись с места.

«Убей! – говорила выучка. – Их все убивают. Это на благо общества». Мой палец потянулся к спусковому крючку. Перекрестье приходилось на уровне груди койота, как раз под дергающимся языком. Я представил себе всплеск и визг яростной стали, метания, корчи до последнего удара взорванного сердца, а потом, вскоре, тень стервятника и за ней вторую... Оба зверя принадлежали мне. Их жизнь была в моей власти. Я поднял предохранитель и положил винтовку на стол.

И вдруг мне вспомнился рассказ, услышанный давным-давно, и я надеюсь, что это не выдумка. В Китае, говорили мне, существовал неписанный закон, по которому человек, спасший другого человека, отвечал за его жизнь до самого ее конца. Ибо, вмешавшись в решение судьбы, спаситель уже не мог уйти от легшей на него ответственности за это. И мне всегда казалось, что такой закон совершенно разумен. Теперь на моей ответственности, хотя бы условно, лежала жизнь двух молодых и здоровых койотов. В тончайшем переплетении всяческих взаимосвязей мы трое были теперь сопряжены друг с другом на веки вечные. Я открыл две банки собачьих консервов и оставил их там в подтверждение принятого на себя обета»<sup>40</sup>.

---

<sup>39</sup> Стейнбек Д. Путешествие с Чарли в поисках Америки // Собр. Соч.: В 6-ти томах. М. 1989. Т. 6. С. 309–310.

<sup>40</sup> Там же, С. 438–439.

На наш взгляд, традиционалистское направление в американской литературе смогло выжить в дегуманизированной современности именно потому, что достигло органического сочетания двух этических тенденций: нон-конформизма, удерживающего личность от того, чтобы не поддаться злу, и толерантности, посредством которой человек способен сохранить себя в качестве человека.

*Кандидат исторических наук,  
ассистент кафедры политических наук  
Пермского госуниверситета  
А. А. Борисов  
Пермь*

### **«ПОЛИТИКА ПРИЗНАНИЯ» ЧАРЛЬЗА ТЭЙЛОРА И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ**

На исходе XX столетия в странах Запада, являющихся демократическим авангардом, стали в значительной степени очевидны противоречия мультикультурализма – постмодернистской политики содействия культурному плюрализму, сущностью которой является противопоставление расовых и этнических ценностей ценностям общенациональным. В таком ключе мультикультурализм был рожден в рамках западной либеральной философской традиции. Одним из наиболее видных сторонников мультикультурализма – так сказать, его «гуру», – сообщаящим политике «культурного разнообразия» теоретические основания, является либеральный мыслитель Чарльз Тэйлор, канадский профессор философии и политических наук в университете города МакДжилл. Квинтэссенция взглядов Тэйлора на мультикультурализм содержится в его знаковой статье, дискуссиям вокруг которой посвящены целые монографии, – «Политика признания»<sup>41</sup>.

Тэйлор исходит из того, что Запад, доминирующий ныне в мире, должен признать «культурное разнообразие» как в

---

<sup>41</sup> Taylor Ch. The Politics of Recognition// Multiculturalism. Examining the Politics of Recognition/ Ed. by A. Gutman. Princeton (N. J.), 1994. P. 25–73.